

“Цветная” революция как политический феномен

Аннотация

В статье проводится анализ различных форм политических изменений, от путча до революции, на основании которого делается вывод, что “цветные революции” были революционными государственными переворотами. Обсуждаются условия, способствующие и препятствующие успеху таких движений, и раскрываются случаи “декрементной относительной депривации”, предрасполагающие население к бунту. Условия успеха включают в себя объединенную и организованную оппозицию с альтернативной идеологией и политической программой. Утверждается, что контрэлиты, будучи при власти, не осуществляют революций и не способствуют демократическому развитию. Побочным эффектом продвижения демократии является то, что авторитарные режимы учатся этому противостоять и, поступая так, ослабляют подлинные взаимосвязи, присущие гражданскому обществу.

Ключевые слова: революция, продвижение демократии, контрэлита, революционный переворот, неравенство и политика

По результатам преобразований в европейских странах государственного социализма в период после 1989 года страны Восточной Европы образовали несколько четко очерченных блоков: новые члены Европейского Союза; страны, стремящиеся к членству в ЕС (Украина, Молдова, Грузия и Армения), и группа относительно слабо реформировавшихся стран (Россия, Беларусь, Киргизия, Узбекистан, Азербайджан и Казахстан). Во многих из последней группы стран позднее произошли “цветные” революции: Сербия (2000), Беларусь (2001 и 2006), Грузия (2003), Украина (2004), Киргизия (2005). Символом этих народных протестов стал цвет (в Украине оранжевый), по которому можно было определить их сторонников и характер движения, хотя революцию в Сербии называют “бульдозерной”. В 2005 году схожие события были инициированы в других странах со схожей экономической и политической траекторией (Россия, Узбекистан и Казах-

стан), однако либо закончились, так и не начавшись, либо были успешно подавлены. Более того, этот феномен не ограничивается лишь бывшими социалистическими странами — в 2005 году свою “кедровую” революцию пережил Ливан, а наступление демократии в Ираке после выборов 2005 года Джордж Буш окрестил “Пурпурной” революцией.

Эти процессы связывались с предыдущей волной “переходов от авторитарного режима” [Schmitter, Karl, 1993: p. 49]. Началом этого движения считается “Революция гвоздик” в Португалии (апрель 1974-го), а пик совпал с падением коммунистических режимов в 1989 году [Schmitter, Karl, 1993]. Однако португальская “революция” была скорее военным переворотом, когда солдаты, дабы выразить солидарность с народом, вставляли гвоздики в дула своих ружей и танковых орудий. Я намерен показать, что эта схожесть с переворотом прослеживается и в последующих цветных революциях.

Схожесть всех процессов, нареченных публикой “цветными революциями”, заключается в предложении социально-политических преобразований, целью которых было внедрение “демократии снизу”. Различные по содержанию, они, тем не менее, имели общую стратегию: массовые протесты происходили в рамках конституции, призванной расширить формы участия народа в функционировании режима; они легитимировались как движение за “большую демократию”; все они имели целью смещение действующих политических лидеров; в центре внимания протестующих каждый раз находились предполагаемые фальсификации процедуры выборов; основную массу участников митингов составляла молодежь, в частности студенты. Элементом новизны по сравнению с традиционными политическими демонстрациями была “оркестровка” событий при помощи современных информационных технологий — мобильных телефонов, Интернета — и поддержка местных и зарубежных СМИ. Уже начавшиеся демонстрации в поддержку якобы борца за демократию сопровождалась в той или иной мере массовыми культурными мероприятиями — рок- и поп-концертами, помогавшими мобилизовать, сплотить и развлечь многочисленную аудиторию.

Раскрутка и организация этих массовых манифестаций требовали значительных ресурсов: пропагандисты, музыканты, артисты и даже организаторы и участники получали зарплату и питание в течение всего процесса. Эти протесты были легитимны с точки зрения демократии, но привели ли они к “демократизации” — это вопрос отдельный. Еще один спорный момент заключается в том, чем именно является этот тип политических событий — “народной революцией” или формой государственного переворота.

Международная перспектива

Очевидно, что эти народные выступления были кумулятивны и последовательны в том смысле, что предыдущая удачная протестная деятельность (в частности, в Сербии и Украине) послужила позитивной моделью для последующих демонстраций¹. Однако все они имели свои особенности,

---

¹ К примеру, Марк Бейсинджер считает их “модульным политическим феноменом”, когда каждая акция основывалась на “эмуляции удачных примеров предшественников” [Beissinger, 2007: vol. 5, No. 2, p. 259].

проистекающие из локальных обстоятельств, конфигурации элит и предрасположенности народных масс к мобилизации. Эти условия определяли, есть ли благоприятная возможность для народной демонстрации или нет и будет ли демонстрация подавлена.

Анализ цветных революций требует рассмотрения вопроса в международной перспективе. Поборники продвижения демократии широко использовали работу Джина Шарпа “Теория власти” (1973) и описанные в ней методики протеста. Все они пользовались моральной и финансовой поддержкой из внешних источников, в особенности западных фондов, поддерживающих демократические институты и процессы. Для подрыва устоев действующего правления Запад использовал форму “мягкой” политической силы. Эта политика берет свое начало в идеях таких авторов, как Джозеф Най (“Мягкая сила: способы достижения успеха в мировой политике”, 2004), отстаивавший переход от использования военной силы и принуждения к продвижению внутренних изменений путем манипулирования нормами и ценностями граждан. Най утверждает, что демонстрация внутренних достижений и международных свершений Запада с использованием множественных каналов коммуникации, скорее всего, будет выигрышной для США и Европы. “Привлекательность” может касаться политических ценностей (демократия, свобода, справедливость), культурных артефактов (поп-музыка, искусство) и предметов потребления (“Макдоналдс”, мобильные телефоны). Основная стратегия — продвижение внутренних изменений путем манипуляции нормами и ценностями граждан. “Пользу из применения мягкой силы скорее извлекут страны, которые ближе всего подошли к глобальным нормам либерализма, плюрализма и автономии, имеют наибольший доступ ко множественным каналам коммуникации и уровень доверия к которым увеличивается за счет их внутренних и международных свершений. По этим измерениям власти Соединенные Штаты и Европа обладают ощутимым преимуществом” [Нье, 2002].

Внешняя политика, основывающаяся на данной точке зрения, включает использование поддержки объединений гражданского общества для осуществления смены режима в авторитарных государствах мирными и легитимными способами. Этой позиции последовательно придерживались все администрации США. В 2005 году Джордж Буш в своей инаугурационной речи ясно дал понять, что “поиск и поддержка ростков демократических движений и институтов в каждой нации и культуре — вот в чем состоит политика Соединенных Штатов” [Bush, 2005]. Политика экспорта “демократизации” является важной составляющей неоконсервативной ценностной системы, заключающейся в создании мирового порядка ценностей, связанных с американским (и их союзников) образом жизни. Поддержка цветных революций, оспаривающих якобы сфальсифицированные выборы в авторитарных государствах, является формой “мягкой силы”. В отличие от португальской “Революции гвоздик” 1974 года, пропагандировавшей левые идеи, то есть не только демократические реформы, но и национализацию собственности, “цветные” революции по своему политическому характеру были правыми. Инсургенты — носители протеста — делали акцент на свободе, правах на частную собственность, рыночных механизмах и оппозиции государственному регулированию. Более того, когда это было уместно, они выступали за присоединение к западным альянсам (таким, как НАТО и ЕС).

Большая часть западных интерпретаций “цветных революций” (в равной степени академических и журналистских) прежде всего отмечали их позитивные намерения и последствия и легитимировали их как часть Третьей Волны демократизации. Они “устран[или] авторитарных лидеров от политической власти... Таким образом, мы стали свидетелями неожиданно удачной диффузии электоральных революций в посткоммунистическом мире... когда нелиберальных лидеров сменили их либеральные оппоненты...”. Эти авторы демонстрируют “электоральную модель смены режима”. “...[В]ыборы являются *единственным* индикатором демократии — формы правления, ставшей глобальной нормой” [Bunce, Wolchik, 2006: p. 284, 288, 295]. Такие тезисы граничат с наделением политической властью избирательного процесса как инструмента неоконсервативной политики. Сводя определение “демократии” к узко трактуемому политическому механизму¹, они оставляют за рамками концепции любые последствия политики в отношении общественно значимых вопросов, как и обсуждение этих вопросов [Dunn, 2007].

Критики утверждают, что события, на первый взгляд кажущиеся народными революциями, — это на самом деле замаскированные государственные перевороты. Оппозиционные силы, контрэлиты, неспособные эффективно мобилизоваться против действующих правительств, организуют революционные события, чтобы создать себе поддержку и легитимировать передачу власти путем всеобщих выборов. Наталья Нарочницкая утверждает, что “глас народа” — на самом деле незаконное использование современных средств массовой информации (телевидения, радио и прессы) для создания общественного мнения и принуждения к политическим изменениям [Оранжевые..., 2008]. Неправительственные организации с могущественными спонсорами стали политическими органами, действующими скорее на основании сетей и СМИ, чем как порождение гражданского общества, выступающее от имени его граждан. Спонсоры², прямо или косвенно финансируемые иностранными правительствами, приняли участие в деятельности инсургентов, определяя демократию согласно собственным концепциям и преувеличивая масштабы фальсификаций на выборах, с тем чтобы поддержать и легитимировать государственный переворот и извлечь из него политические дивиденды.

Обвинение в “фальсификации” иногда выдвигается еще до завершения подсчета голосов и является продолжением кампании по дискредитации действующей власти. Экзит-поллы становятся политическим инструментом, и как только звучит заявление о фальсификации выборов, его тут же подхватывают СМИ. Например, в Украине первые утверждения о “фальсификации выборов” основывались на экзит-поллах в октябре и ноябре 2004 года, указывавших на победу оппозиционного кандидата Ющенко. Эти утверждения создают политическую обстановку — “само собой разумеющиеся” политические допущения, — когда все сводится к тому, что имела место фальсификация выборов. В случае провалившейся “революции” в Армении в феврале 2008

1 Подробнее вопрос исследуется в: [Fish, 2005: p. 18].

2 К примеру, в Украине активно действовали Фонд “Возрождение” Сороса, Агентство США по международному развитию (USAID), “Freedom House”, Фонд Карнеги, Национальный фонд демократии (National Endowment for Democracy), “Transnational Democracies”, Вестминстерский фонд.

года, которую возглавлял бывший Президент Левон Тер-Петросян, вопреки заявлениям международных обозревателей о том, что выборы были близки к европейским стандартам и имело место лишь несколько отклонений от норм, в репортажах оппозиционных СМИ утверждалось, что выборы сопровождались “скандалами, запугиванием и манипуляциями” [Manutscharjan, 2008]. Как и другие рассматриваемые в статье феномены, беспорядки в Армении носили характер попытки государственного переворота, предпринятой бывшим политиком при поддержке толпы, численность которой, по разным оценкам, составляла от 10 до 50 тыс. человек.

То, что в СМИ изображалось как “воля народа”, на самом деле было демонстрацией под управлением элиты. Хотя массы могут быть охвачены эйфорией революционных идей, в политическом смысле они являются инструментом местных контрэлит, часто подстрекаемых иностранцами, у которых есть своя программа действий. В случае успеха такой революции происходят не масштабные социально-политические изменения, а ротация элит в результате свержения прежних правителей либо их кооптация в новую структуру элит.

Феномен цветной революции — это новый тип политического движения, который следует встроить в парадигму политических изменений. Во-первых, рассмотрим различные формы политических изменений. Во-вторых, обратимся к концептуализации цветных революций как нового типа революционной деятельности, а именно революционного переворота — комбинации массовых протестов с государственным переворотом. В-третьих, рассмотрим определяющие факторы, приводящие к возникновению феномена цветной революции. И наконец, рассмотрим, насколько успешными вообще могут быть “цветные революции”.

Типы политических изменений

Анализируя политические изменения, можно выделить такие формы, как путч, государственный переворот и революция. Для определения этих типов политических изменений используются следующие критерии:

- тип организации политической активности;
- уровень участия населения;
- намерения инсургентов и политических контрэлит;
- последствия.

В таблице 1 сведены определения различных типов политических изменений в терминах организации, уровня участия населения и намерений инсургентов/контрэлит. Путч можно определить как внезапное нелегитимное свержение правящей элиты другой конкурирующей элитой (например, установление военного режима вместо политического); уровень участия населения при этом низкий, цель инсургентов состоит в замене существующей элиты новой. Государственный переворот — нелегитимная замена одного набора руководителей новым либо реставрация старого (к примеру, замена правящей фракции политической партии другой фракцией той же или другой партии). Оба этих политических процесса требуют относительно малого участия населения как в свержении, так и в защите действующей власти, и ни один из них не призван оказать существенное влияние на социальную или экономическую жизнь.

Таблица 1

Типы политических изменений: путч, государственный переворот, политическая/социальная революция

Тип политических изменений	Тип организации	Уровень участия населения	Цели инсурентов/контрэлиты	Последствия в случае успеха
Путч	Под предводительством контрэлиты	Низкий	Смена элиты	Новая элита
Государственный переворот	Под предводительством элиты или контрэлиты	Низкий	Обновление правящей элиты	Новые люди в правящей элите
“Классическая” политическая/социальная революция	Под предводительством контрэлиты	Очень высокий: массовый импульс снизу	Погасить недовольство народа путем фундаментальной смены политического класса и социально-экономической системы	Новый политический класс; реформированные институты, в том числе отношения собственности

Революция — более сложный процесс. Чарльз Тилли определяет “революцию” как “принудительную передачу власти в государстве, в ходе которой по меньшей мере два четко различимых конкурирующих блока выдвигают несовместимые претензии на контроль над государством, а определенная значительная часть населения, подвластная юрисдикции государства, соглашается с требованиями того или иного из блоков” [Tilly, 1993: p. 234]. Схожее определение дает Гудвин (см.: [Goodwin, 2001]), который определяет революцию как любой случай, когда народное движение внеконституционным или насильственным путем свергает государство или правительство. Однако эти подходы игнорируют тип социального движения, уровень участия населения и политические цели инсурентов. Есть разные виды “революций”¹. Максималистское определение социальной или политической революции включает в качестве обязательного атрибута не только участие масс, но также идеологию, предопределяющую фундаментальную смену политического класса и социально-экономической системы. Кроме того, в результате прихода к власти нового политического класса социальная и экономическая система претерпевает существенные изменения. Самый известный апологет этой позиции, Т.Скоппол (1979), делает акцент на трансформации государственной и классовой структур общества [Skocpol, 1979: p. 4].

По факту мы уже знаем, что цветные революции были чем-то большим, нежели дворцовые путчи, но это были не классические революции. Во-первых, локомотивом радикальных перемен выступали не низы, а элиты либо контрэлиты существующих политических классов. Социальные трансформации “сверху вниз” не могут быть квалифицированы как “революция” (см.: [Tilly, 1992: p. 9]), поскольку тогда претенденты на власть по определению

¹ К примеру, Тэнтер и Мидларски различают четыре типа “революций”: массовая революция, революционный переворот, реформаторский переворот, дворцовая революция (см.: [Tanter, Midlarsky, 1967: vol. 11, No. 3, p. 265]).

не могут быть частью государственной администрации. Во-вторых, их результатом стала смена людей во власти и сдвиги во внешней политике и международных ориентациях, но системные отношения, в частности принадлежность собственности, не изменились.

Цветные революции не укладываются в рамки описанных выше моделей. Руководящая роль контрэлит, преследующих цель сменить элиту, характерна для путча и государственного переворота. Однако, в отличие от этих двух процессов, отличительной чертой цветных революций является высокий уровень участия населения. При этом за ними не стоит никакой политической теории масштабных социальных преобразований, поэтому их нельзя отнести к категории классических революций. Их политической задачей были не смена классов и трансформация имущественных отношений, а скорее замена одной элиты другой. Инсургенты всех цветных революций, возможно, за исключением сербской, стремились к тому, чтобы руководство страны сменилось другим, которое выполнит обещания и совершит переход от коммунизма к капитализму и демократии — то, чего не сделали существующие посткоммунистические элиты. Существенные отличия от стандартного государственного переворота проявляются в роли руководства, высоком уровне участия населения и финансировании из внешних источников. В отличие от классической революции, в этих феноменах отсутствует революционный класс, продвигающий идею социально-политических преобразований снизу.

Цветные революции можно отнести к еще одному типу политических изменений: “революционному государственному перевороту”. Цветные революции не привели к системным изменениям типа режима (вопреки требованиям многих своих сторонников); их целью было привести к политической власти новых людей. Имеет место привлечение широких масс, что делает это движение больше чем “государственным переворотом”. Можно провести границу между таким переворотом и социальной либо политической революцией. Тогда как в революционном государственном перевороте население участвует в роли пассивной “аудитории”, в политической революции население (в форме автономных ассоциаций гражданского общества) вносит позитивный вклад в политическую деятельность, требуя масштабных социальных перемен. Наконец, очень важен результат. Если намерения инсургентов не реализуются впоследствии в структурные преобразования, политическую революцию нельзя считать свершившейся. Таким образом, можно различать социальную/политическую революцию и государственный переворот на волне массовых протестов.

Революционный государственный переворот

Революционный государственный переворот — это смена политического руководства, инициируемая внутренними или внешними контрэлитами при посредничестве широких масс населения. В этом процессе активно участвует элита (или контрэлита) и вовлекается население (массы), но в качестве “аудитории”. Намерения инсургентов заключаются в погашении народного недовольства, провозглашении целей преобразований и осуществлении всего этого путем не реформирования социально-экономического строя, а обновления элиты. Почвой для протестных действий масс могут служить реальные экономические и социальные проблемы: снижение уровня жизни, не-

достатки здравоохранения, несправедливое распределение благ и земли, безработица¹. Характеристики этого типа процесса приведены в таблице 2.

Таблица 2

Революционный государственный переворот

Тип политических изменений	Тип организации	Уровень участия населения	Цели инсургентов/контр-элиты	Последствия в случае успеха
Революционный государственный переворот	Под предводительством контрэлиты	Высокий. Участие в качестве аудитории	Погасить недовольство народа. Цель элиты: обновление правящей элиты; для широких масс: смена лидеров и приоритетов	Новые люди в правящей элите

Доказательства того, что удавшиеся “революции” следует считать переворотами, обнаруживаются в биографии лидеров, пришедших в результате их к власти. В Сербии оппонентами Милошевича были ведущие политики. К примеру, Воислав Коштуница, позиционировавший себя как оппозиционный Милошевичу кандидат, перед этим основал антикоммунистическую и прозападную Демократическую партию. Другим видным представителем оппозиции был Томислав Николич, с 1999 по 2000 год занимавший пост заместителя премьер-министра в коалиционном правительстве Югославии. В Грузии в результате беспорядков к власти пришли Зураб Жвания, Нино Бурджанадзе и Михаил Саакашвили, занимавшие посты в Парламенте, а Саакашвили при Шеварднадзе был министром (юстиции). В Украине к власти пришел Виктор Ющенко, во времена Кучмы побывавший главой Национального банка и премьер-министром. К нему примкнула Юлия Тимошенко, сама ведущий экономический “олигарх”. В Киргизии ведущие роли в движении за свержение правительства Аскара Акаева играли бывший премьер-министр Курманбек Бакиев, чей взлет начался еще во времена СССР, и Роза Отунбаева, бывший министр иностранных дел. Большинство позитивных оценок “народных революций” игнорирует литературу о конкуренции элит и кланоподобной природе политики в Грузии, Киргизии² и Украине.

Рассматривая цветные революции как революционные перевороты, можно объяснить не только их внутренний характер, то есть руководящую роль внутренней элиты, но и внешний. Это позволяет определить место для организаций вроде ОБСЕ/USAID и финансируемых из-за рубежа НПО в качестве составителей планов и действующих в интересах Запада агентов мягкой политики — “продвижения демократии”. ОБСЕ и родственные организации, такие как ODHR (Office for Democratic Institutions and Human Rights — Бюро демократических институтов и прав человека), сделали своей приоритетной задачей продвижение демократии, определяемой под

¹ С.Радниц указывает на несправедливое распределение земли в качестве причины недовольства и протестов в Киргизии (см.: [Radnitz, 2006: p. 142–143]; по поводу безработицы в Украине см.: [Lane, 2008: vol. 10, p. 525–549]).

² С.Радниц утверждает (и это согласуется с изложенными здесь суждениями), что движущей силой революции в Киргизии были локальные элиты, проигравшие кандидаты, их знакомые, соседи и члены семей (см.: [Radnitz, 2006: vol. 17, No. 2, p. 137]).

углом зрения прав избирателей и коррупции в правительстве. При этом они практически не вспоминали о социальной защите, праве на труд и благоденствии и совершенно не критиковали многочисленные экономические нарушения, имевшие место в ходе процесса приватизации.

Цветные революции носили характер “цепной реакции”, когда “успех” одной служил остальным побуждением к действию (см.: [Beissinger, 2007: p. 260]). Однако важными определяющими факторами были также структурные особенности и психологические предрасположенности населения. Мобилизация народных масс на борьбу против действующего режима определяется основополагающим социально-экономическим расслоением или несбывшимися ожиданиями, которые контрэлиты превратили в политический капитал. Различия в этих структурных и психологических атрибутах помогут объяснить победы и поражения цветных революционных переворотов.

Итоги “революции”

Проблему, однако, составляет выяснение, в какой мере первые бунты служили примером для последующих: насколько “пример” других копировался, модифицировался либо игнорировался в революционных странах. Также требуется проанализировать, до какой степени люди могут быть предрасположены или склонны следовать примеру и почему. Чтобы найти объяснение, почему одни добились успеха, а другие потерпели поражение, нужно перегруппировать различные политические феномены уже по другим критериям.

Таблица 3

Итоги цветных революций

Изменения в правящей элите	Уровень участия населения в массовых мероприятиях		Итоговые изменения в политической системе
	Низкий	Высокий	
Никаких	Беларусь, Россия, Казахстан, Узбекистан, Азербайджан	Китай	Никаких
Некоторые уже есть и продолжают		Украина, Киргизия	Незначительные
Большие		Сербия, Грузия	Большие

В таблице 3 представлены различия между итогами “цветных” революций. Изменения в составе политической элиты рассматриваются отдельно от воследовавшего политического/экономического развития. Страны разбиты на группы в зависимости от уровня участия населения. “Массовое участие” не следует отождествлять с “продвижением народной демократии”, поскольку это участие может быть вызвано недовольством другого рода — региональным, этническим, классовым, межпоколенческим конфликтом. Кроме того, участники могут быть движимы эмоциями, а то и корыстью¹.

¹ Полученные в фокус-группах данные касательно мотивов участников революции в Украине приведены в: [Lane, 2008].

Чтобы расставить страны в нужные ячейки, потребовалось провести большую исследовательскую работу. В пяти странах (Беларусь, Россия, Казахстан, Азербайджан и Узбекистан) народные протесты против режима провалились. В Китае протесты имели относительно широкий размах (в том плане, что демонстранты парализовали центр столицы), но существенных изменений режима не произошло. В Украине демонстрантам удалось добиться избрания на пост Президента Виктора Ющенко, таким образом сменив главного игрока в политической элите, однако последующие политические изменения были минимальны. В Киргизии в результате зародившегося на юге страны протестного движения был отстранен от власти клан Акаевых, на смену которому пришли к власти другие кланы. Движущей силой тамошней Тюльпановой революции были “интересы независимого бизнеса, неформальные сети и патронажные связи... которые остались столь же сильны после ухода бывшего Президента Акаева”. Исход революции не затронул существовавшие коррупционные схемы, и “судя по всему, мартовские события... в основном углубили политическую нестабильность в Киргизии, приведя к увеличению количества политических убийств и преступлений, совершаемых толпами” [Radnitz, 2006: p. 132–133]. Преемник Акаева, Бакиев, признал “неоднозначно избранный” парламент (результаты выборов в который Верховный Суд признал недействительными), и новый режим действовал как “средство защиты частных интересов своих членов”. Как утверждает Радниц, это была не смена режима, а “переход власти” [Radnitz, 2006: p. 140, 133]. Даже с точки зрения избирательных процедур выборы 2007 года были неадекватными — набравшая лишь 49% голосов правящая партия получила 71 место из 90, а главная оппозиционная партия не получила мест вообще. Причиной этого была избирательная система, согласно которой в парламент попадали лишь партии, набравшие минимум 5% голосов плюс еще хотя бы 0,5% в каждом региональном избирательном округе — откровенно дискриминационные условия для региональных партий. В предварительном отчете ОБСЕ выборы кротко именовались “упущенной возможностью”, а избирательная система — “необычной”¹.

В Сербии и Грузии оппозиции удалось существенно изменить личный состав правительства. В Сербии произошел значительный сдвиг внешнеполитической ориентации в сторону Запада. В Грузии при Президенте Михаиле Саакашвили был взят более неолиберальный курс наряду с усилением государства. Хотя Саакашвили пришел к власти как великий демократический реформатор, уже вскоре оппозиция обвинила его в преследовании оппонентов и ущемлении свободы СМИ (см.: [Vogers, 2005]). В 2008 году, после неудавшегося наступления на сепаратистскую Южную Осетию, лидеры оппозиции организовали демонстрацию численностью около 20 000 человек, требуя “президентских и парламентских выборов, реформ избирательной системы, свободы СМИ и освобождения политических заключенных”². Оппозиция, возглавляемая “Движением за единую Грузию”, инкриминировала режиму Саакашвили политические убийства и аресты по политическим мотивам [Beselia, 2008].

---

¹ На основании отчета наблюдателей на выборах в Киргизии, приведенного в: [Раупе, 2008: p. 7].

² По словам лидера оппозиции Эки Беселия, цит. по: [Morning Star, 2008].

Очевидно, что последовавшая за цветными революциями смена режимов не всегда приводила к большей демократизации, даже в терминах “избирательной политики” в узком смысле.

Определяющие факторы успеха и провала

Перед нами политическая и социологическая загадка: как объяснить, почему хотя инсургенты имели схожие цели (то есть продвижение демократии), итоги их деятельности настолько различны. Для объяснения успеха или провала провозглашенного деятелями цветных революций продвижения демократии выделим три основных определяющих фактора: предрасположенность элит и населения к радикальным переменам; идеологическая мобилизация и продвижение своей политики; и практические политические альтернативы имеющемуся положению вещей. Изучив эти три фактора в контексте постсоциалистических стран, мы сможем понять причины возникновения цветных революций и их успеха либо провала.

Предрасположенность населения

Предрасположенность к переменам в значительной степени является следствием результатов преобразований. Предполагается, что в странах, где политика преобразований привела к безработице, бедности и снижению стандартов жизни, наблюдается предрасположенность населения к переменам. Среди рассматриваемых стран менее всего экономическая жизнь пострадала в Беларуси и Китае, сохранивших многие экономические и политические структуры государственного социализма. Россия, Грузия, Украина и Сербия на первых порах пережили значительное уменьшение валового национального продукта и обеднение значительной части населения.

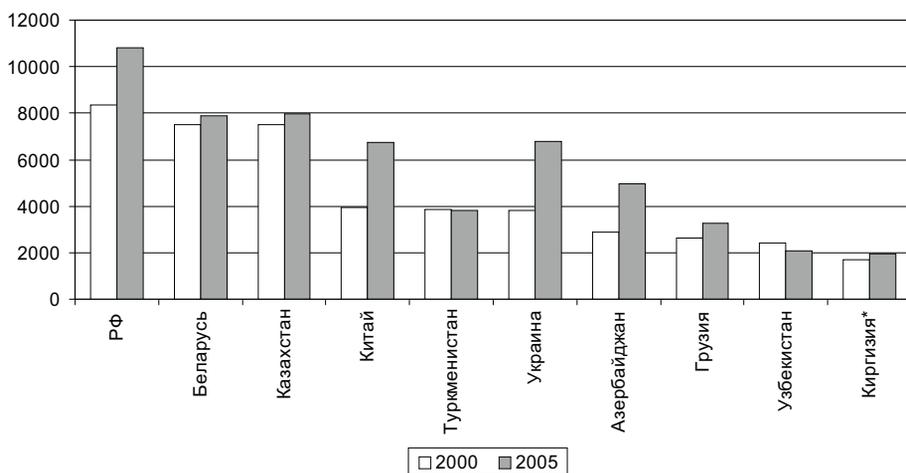

Рис. 1. Валовой внутренний продукт на душу населения, пересчитанный по ППС в долларах США (2000, 2005)

Источники: для 2005 года: [Human Development, 2007/2008: p. 228–230]; для 2000 года: [Human Development, 2002: p. 149–150].

* Для Киргизии данные за 2000 год отсутствуют, приведены данные 2003 года [Human Development, 2003: p. 219].

Как показано на рис. 1, в период между 2000 и 2005 годами ВВП в большинстве постсоциалистических стран вырос и лишь в Узбекистане снизился. Однако эти цифры ничего не говорят о распределении благ и прибыли, которое при социализме было относительно равномерным и сопоставимым с европейскими “государствами всеобщего благоденствия”.

Как показано на рисунке 2, в данный момент во многих из этих стран (Китай, Туркмения, Грузия и РФ) уровень неравенства практически такой же, как в США (или несколько выше) в случае Китая, и гораздо выше, чем в государствах всеобщего благоденствия, например Дании.

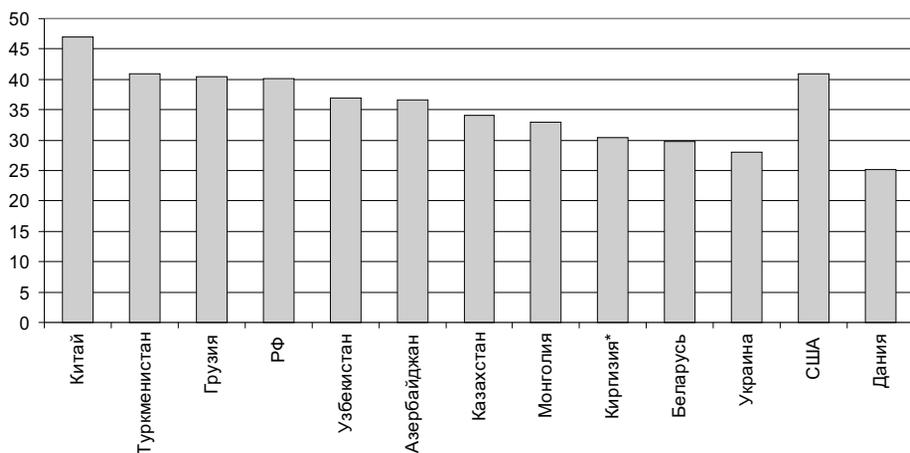

Рис. 2. Уровни распределения доходов: индексы Джини (2001–2003)

Источник: [Human Development, 2007/2008: p. 281–284].

Коэффициент Джини показывает соотношение между богатейшими 10% и беднейшими 10% населения. Значение 0 соответствует абсолютному равенству, значение 100 — абсолютному неравенству.

Рисунок 3 показывает, что даже за эти четыре года средняя продолжительность жизни существенно снизилась, увеличившись лишь в Китае, Беларуси и Казахстане.

На рисунке 4 показано соотношение между ВВП и национальным благосостоянием, измеренным при помощи индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП). При этом уровень развития человеческого потенциала вычитается из показателя ВВП; таким образом, низкий показатель ВВП (скажем, 100) минус высокий уровень ИРЧП (скажем, 25) дает нам в итоге 75. Чем выше этот показатель, тем эффективнее используется ВВП для развития человеческого потенциала. Заметим, что все постсоциалистические страны, кроме Казахстана и Российской Федерации, имеют относительно высокие показатели. Однако в период с 2000 по 2005 год для всех этих стран, за исключением Узбекистана и Беларуси, где существенная роль в распределении ресурсов остается за государством, они ощутимо снизились.

Эти данные показывают, что общие социальные условия ухудшались во всех странах, кроме Беларуси и, в определенной мере, Китая (хотя неравенство доходов в Китае росло угрожающими темпами). Особенно поражает

Россия, чья прибыль выросла, но при этом средняя продолжительность жизни сократилась, а индекс ВВП–ИРЧП отрицательный.

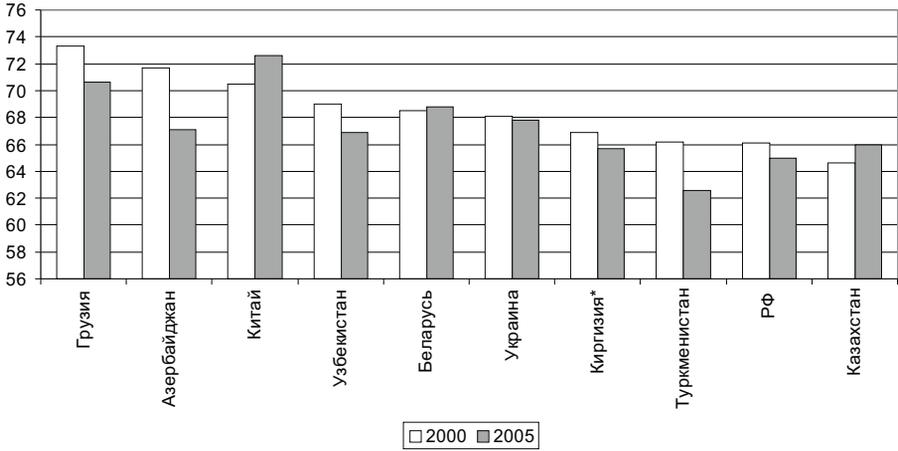

Рис. 3. Средняя продолжительность жизни (2000, 2005)

Источник: [Human Development, 2007/2008: p. 281–284].

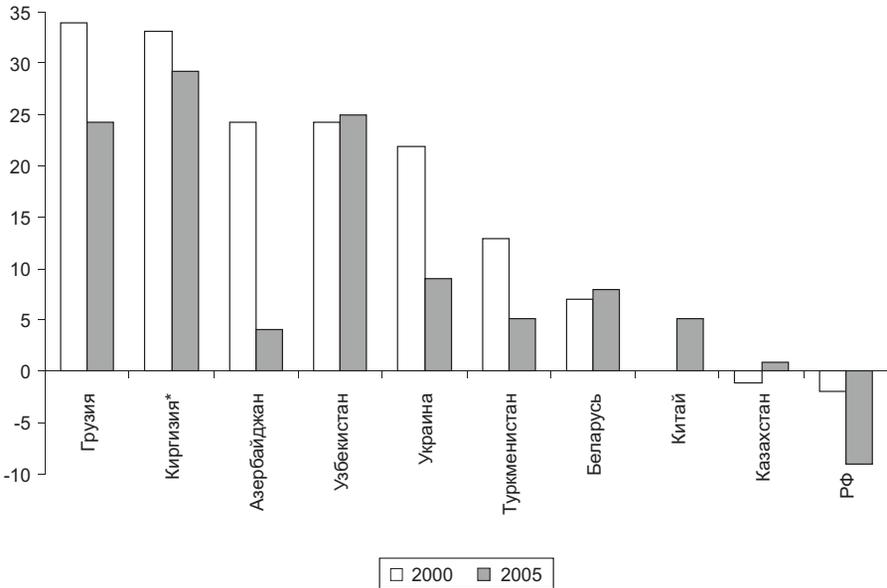

Рис. 4. ВВП на душу населения (пересчитанный по ППС в долларах США) минус ИРЧП (2000, 2005)

Эти данные наводят на мысль о том, что имеет место развитие условий для “декрементной относительной депривации”, по определению Теда Гарра¹. Ожидания людей остаются неизменными (но могут и возражать в пред-

¹ См.: [Gurr, 1970: ch. 1].

вкушении благ, которыми должен ознаменоваться конец коммунизма), но, несмотря на общий рост ВВП в период между 2000 и 2005 годами, способность их удовлетворить неуклонно снижалась. В терминах Гарра, благосостояние (экономическое) падало, возможностей для реализации политических и межличностных ценностей становилось всё меньше, и это создало условия для предрасположенности людей к политическому протесту. Уровень лояльности и доверия к правительству снизился, уровень поддержки режима катастрофически упал (об этом свидетельствуют данные социологических опросов, не вошедшие в данную статью). Не во всех рассматриваемых здесь государствах произошли восстания, а те страны, где это случилось, пережили их по-разному. Сколь бы сильной ни была относительная депривация, она может лишь создать предрасположенность населения к бунту, но ее недостаточно, чтобы его вызвать. Ленин утверждал, что необходима *искра*, и устроители цветных революций высекали эту искру, чтобы разжечь пламя предположительно сфальсифицированных выборов. Стратегия цветных революций опиралась на ленинскую концепцию. Как сказал один из молодых организаторов, движение сопротивления имеет три составляющих: единство оппозиции, дисциплина и хороший стратегический план¹.

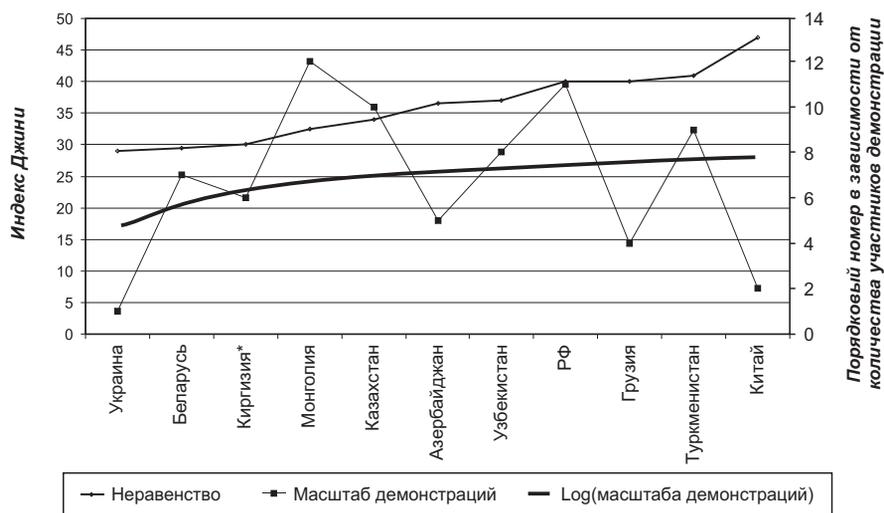

Рис. 5. Индекс Джини и народный протест

Как же, в таком случае, уровень неравенства, на который указывают индексы Джини, коррелирует с масштабностью народного протеста? Посмотрим на рисунок 5. Верхняя линия соответствует уровню неравенства. Масштаб народного протеста определен на основе количества участников протеста по данным ОБСЕ² (Китай я добавил сам). Хотя во многом эти данные могут быть неточными, они, на мой взгляд, отображают соотношение мас-

1 Организаторы протестов в Сербии, Украине, Грузии и Азербайджане действовали согласно этой стратегии, ярко проиллюстрированной в документальном фильме Тани Рахмановой “Справочник по демократическим революциям” (“The Democratic Revolutionary Handbook”, Франция, 2006 г.)

2 См.: [Beissinger, 2007: vol. 5, No. 2, p. 259–276].

штабов народных протестов в разных странах. Линия тренда является функцией от растущей кривой неравенства.

Данные показывают порядковый номер в зависимости от массовости демонстраций: 1 соответствует наибольшему количеству демонстрантов (Украина); на последнем месте Монголия. Корреляция между неравенством и количеством демонстрантов составляет $-0,09$ (коэффициент Пирсона) и $+0,02$ (коэффициент Спирмена) — то есть никакой значимой корреляции вообще. Такой результат обусловлен двумя крайностями. У Китая самый высокий уровень неравенства (46,9) и вторая по величине численность демонстраций; с другой стороны имеем Украину с наивысшей численностью демонстрантов и наименьшим уровнем неравенства (29,1). Если исключить из рассмотрения Украину, корреляция возрастет до $-0,29$, свидетельствуя о гораздо более тесной взаимосвязи между неравенством и протестами. Если исключить оба крайних случая (Китай и Украину), получим более устойчивую (отрицательную) корреляцию. В этом случае коэффициент Пирсона будет равен $-0,41$ ($p = 0,21$, $n = 10$), а коэффициент Спирмена достигнет $-0,30$ ($p = 0,40$, $n = 10$)¹. Тогда наши результаты показывают четкую взаимосвязь между количеством участников демонстраций и неравенством: чем выше показатель неравенства (1 — наименьшее неравенство), тем больше численность демонстрантов (1 — наибольшая численность). Очевидно, что высокий уровень неравенства, то есть на одном полюсе бедность, а на другом — богатство, в сочетании со снижением уровня жизни, предрасполагает людей к бунту.

Эти данные могут нуждаться в дальнейшей интерпретации. Возможно, что оценки числа участников про-“оранжевых” демонстраций завышены, ведь понятие “демонстранты” охватывает как сторонников, так и противников “оранжевых”. Также возможно, что деятельность “оранжевых” политизировала население сильнее, чем было бы в противном случае — сработал эффект демонстрации².

Идеологическая мобилизация и продвижение политики

Зачинщики цветных революций не только делегитимировали существующие режимы, как правило, ссылаясь на нарушения на выборах, но провозгласили альтернативный набор ценностей — идеологическое обоснование радикальных перемен. “Продвижение демократии”, как с одобрением отмечает Уильсон, означает, что Запад продвигает собственные ценности и помогает другим странам “жить в соответствии с этими ценностями” [Wilson, 2005: p. 187]. Оно включает в себя влияние на ход выборов и поддержку партий, получивших одобрение западных лидеров. При этом значительная часть литературы по “диффузии демократии” игнорирует возможность западных правительств и международных организаций влиять на политиче-

---

¹ Автор выражает благодарность Дэвиду Стаклеру за комментарии и советы к черновому варианту статьи.

² Предложенные Д.Лейном оценки уровня поддержки “оранжевых” см. в: [Lane, 2008: vol. 10, p. 525–549].

ские результаты в перенесших революции странах (см.: [Transnational Actors, 2008])¹.

Взять, к примеру, Сербию. Банс и Вольчик отмечают, что международная диффузия не происходит, “когда влиятельный международный актер организует перемены в более слабых государствах” [Bunce, Wolchik, 2006: vol. 39, p. 266, 291], и рассматривают перемены в Сербии как пример сотрудничества между местными и международными актерами. Однако США и ЕС проводили агрессивную политику системных изменений. Кристофер Ламонт отмечает: США и ЕС объединили усилия для того, чтобы “изгнать Милошевича “из власти, из Сербии и [загнать] на скамью подсудимых трибунала по военным преступлениям”. Мадлен Олбрайт и министр иностранных дел Германии Йошка Фишер сформулировали стратегию, сочетавшую экономические санкции с привлечением к сотрудничеству оппонентов Слободана Милошевича в самой Сербии. Соединенные Штаты не просто выделяли большие средства на финансирование оппозиционных групп, но даже открыли представительство в посольстве США в Будапеште для координации усилий по смене режима в Белграде” [Lamont, 2009: vol. 25, No. 2,3, p. 181–198]. Более того, в стратегии, предложенной страной-председателем Совета Евросоюза, прямым текстом говорилось, что “избирательные санкции против режима [Милошевича] будут оставаться неотъемлемой частью политики ЕС до тех пор, пока Президент Милошевич находится у власти. Совет Европы призывает народ Сербии взять свое будущее в собственные руки и вернуть себе место в семье демократических наций. Со своей стороны ЕС не просто продолжит поддерживать демократическую оппозицию, но также начнет развивать всесторонний диалог с гражданским обществом...” [Presidency Conclusions, 2009: 2010]². Системные изменения продвигали и финансово поддерживали такие организации, как Немецкий Фонд Маршалла, Институт переходных демократий, Вестминстерский фонд и Международный центр по вопросам ненасильственных противостояний.

Деньги следуют за интересами, а интересы и идеология — за деньгами. В странах, где у США и их союзников имеются экономические интересы (в частности, доля в энергетических компаниях), может наблюдаться недостаток иностранной поддержки сопротивлению и продвижению демократии. Если правительство поддерживает добычу энергоресурсов иностранными компаниями, оппозиционные им силы не получают такого уровня иностранной поддержки. Как отмечает В. Островский, во время цветных революций лидер Казахстана Назарбаев “рассматривался как лучший гарант западных инвестиций и интересов. Вот почему с точки зрения Запада, а главное — США, политические перестановки на вершине государственной власти в Казахстане были нежелательны” [Ostrowski, 2009: vol. 25, No. 2, 3, p. 347–368]. Свидетельства этому можно найти и в Азербайджане. В доку-

1 Другие авторы акцентировали внимание на роли международных связей и даже рассматривали международный элемент в качестве четвертой составляющей преобразований.

2 См. главу 6 в сборнике: [Rethinking the ‘Coloured Revolutions’, in pr.], который является источником всех цитат из этой работы в данной статье.

ментальном фильме “Справочник по демократическим революциям”¹ показано, что западные фонды, в том числе Институт переходных демократий, отказали в финансовой поддержке молодежному движению “Магам”. Брюс Джексон, директор Института, объяснил это тем, что “Вашингтон не был полностью уверен, что это была именно оппозиция”. У “Магам” есть другое объяснение: Президент Алиев заключил нефтяные контракты с многонациональными компаниями, для выполнения которых требовалась стабильность — “если произойдет смена власти, грош цена этим контрактам”. В итоге демонстрации в Азербайджане в 2005 году (как и в Казахстане) завершились полным разгромом демократической оппозиции.

Для мобилизации населения в поддержку продвижения демократии должна существовать контрэлита, готовая принять финансовую и моральную поддержку как из внутренних, так и из западных источников. Согласно этой же логике, те силы в революционных странах, которые в результате проводимой Западом политики проигрывают, будут сопротивляться внедрению чужеродных ценностей. Они будут отстаивать собственные ценности и искать сторонников, в том числе за рубежом. Политические и экономические процессы на Западе, и в частности имидж США, одобряются отнюдь не всеми, что ставит под сомнение предположения теоретиков “мягкой политики”, таких как Най, о том, что “Запад”, скорее всего, выиграет войну мягких политик. Американская гегемония, угрожающая некоторым странам, воспринимается в негативном ключе и со стороны элит, и общественным мнением в России, Беларуси и Китае.

Реакция авторитарных режимов России, Китая и Беларуси и их действия по упреждающему подавлению диссидентских движений широко освещались в западной прессе. Меры принимались в отношении потенциальных организаторов “цветной революции”, включая запрет на проведение экзит-поллов и репрессии против оппозиционных партий и их лидеров. В России при Путине и Медведеве антигосударственным (и прозападным) контрэлитам становится все сложнее организовать и сформулировать альтернативную идеологию. Однако, как бы отрицательно мы ни относились к репрессиям, нельзя объяснить социальную стабильность одними репрессиями. Репрессии могут проводиться исключительно в контексте предрасположенности элит и населения либо к поддержке коллективной антирежимной деятельности, либо к сопротивлению ей². Как отмечала Елена Коростылева в отношении Беларуси, “специфика режима Лукашенко заключается в электорате: именно **удовлетворенность** многих белорусов и их **идентификация** с Президентом определяют самую устойчивую черту режима — его неподдельную легитимность”. Цитируя Макса Вебера, она отмечает, что “правление легитимно, когда его субъекты верят, что это так” [Korosteleva, 2009: vol. 25, No. 2, 3, p. 324–346].

---

1 Режиссер Тая Рахманова, Франция, 2006 год.

2 К примеру, Бейсинджер [с. 268–270] называет этот процесс “обучением элит” ограничивать распространение бунта, и основополагающий вопрос в данном случае: почему некоторым элитам следует “учиться” и стремиться ограничить “революционный успех”, тогда как остальные могут этот процесс копировать. Ситуация в Беларуси рассмотрена в: [Silitski, 2005: vol. 16, No. 4, p. 83–97]; ситуация в Китае — в работе Уилсона, включенной в виде главы в сборник “Переосмысливая “Цветные революции””.

Изучение общественного мнения в Украине также показывает очень высокий рейтинг Лукашенко и Путина как лидеров — гораздо выше, чем у вождя “оранжевой революции” Виктора Ющенко. В 2005 году, сразу после избрания, рейтинг Ющенко составлял 5,6, тогда как у Президента Кучмы — 2,7 (среднее значение оценок респондентов¹ по десятибалльной шкале). Однако в 2006 году рейтинг Ющенко упал до 3,8, а рейтинг Путина и в 2005-м, и в 2006-м, даже после конфликта по поводу цен на энергоносители между двумя странами, был выше (6,0 и 6,3 соответственно). Еще поразительнее популярность А.Лукашенко, рейтинг которого по результатам опросов общественного мнения в Украине в 2005 (5,8) и 2006 (6,3) был выше, чем у Ющенко даже в 2005. Как видим, государственный режим национального благосостояния очень импонирует населению и Беларуси, и Украины, и России.

Политические альтернативы

Важными компонентами революционной ситуации являются консенсус и разделение элит. В Украине и Сербии имели место расхождения, тогда как в Грузии элита была достаточно сплоченной и считала поддержку Запада условием экономической и политической безопасности. Более того, присоединение к Западу в форме членства в Европейском Союзе представлялось очень привлекательным для Сербии, особенно в свете последствий наложенных Евросоюзом санкций. Альтернативные политические стратегии, которые могут быть взяты на вооружение посткоммунистические страны, включают в себя возможное членство в НАТО и/или ЕС. Присоединение к этим институтам означает позитивный эндшпиль продвижения демократии — вариант, недоступный таким странам, как Россия и Беларусь. В Сербии элиты были (и остаются) разделены на сторонников рынка и более тесных связей с Европейским союзом, с одной стороны, и традиционных левых лидеров, выступающих за государственное регулирование и националистическую идеологию — с другой. У Киргизии нет реальной возможности войти ни в ЕС, ни в НАТО, поскольку “продвижение демократии” несовместимо с клановой и эгоистичной политикой с ярко выраженным региональным характером².

Украина — более сложный случай. У государства, граничащего одновременно с Россией и Европейским Союзом, всегда есть выбор, даже если западные элиты преувеличивают и искажают политическую перспективу членства в ЕС. Интересы различных экономических элит с базами в разных регионах страны накладываются на формы этнической идентичности: западные украинцы сориентированы на Запад, русскоязычные восточные украинцы — на Россию (см.: [Lane, 2008: vol. 10, p. 525–549]). Имеет место заметное этническое и политическое разделение по оси Восток-Запад. Кроме того, лидеры молодежного движения в Украине были настроены на радикальную борьбу с режимом, и спонсируемые Западом организации гражданского общества открыто использовались для поддержки “оранжевых”. К примеру, молодежное

¹ Вопрос звучал так: “Как бы Вы оценили действия Л.Кучмы на посту Президента?” Наименьшая оценка 1, наивысшая 10. См.: [Паніна, 2006].

² Клановая природа политической власти рассмотрена в: [Collins, 2002: No. 13, p. 137–152].

движение “Пора” при поддержке Вестминстерского фонда привлекло се-рбских агитаторов для обучения 200 активистов, которым надлежало органи-зовать то, что позднее назовут “оранжевой революцией”¹.

В России, Беларуси и Китае организованная оппозиция правящему ре-жиму строго ограничена, а вот в Сербии, Украине и Грузии существовали особенно сильные прозападные силы, способные координировать оппозици-онные движения, а кроме того имелись целые слои населения, предрасполо-женные к этим ценностям. В Украине имелись все условия для возникнове-ния массовых демонстраций. Многие полагают, что в России демонстрации невозможны, хотя это весьма сомнительное допущение. В России проводи-лись массовые демонстрации в поддержку прав пенсионеров, в знак протеста против монетаризации социальных льгот, а также (меньшие по масштабу) политические митинги в поддержку оппозиционных нынешнему режиму кандидатов. Последние, пожалуй, не были эффективны, но они проводи-лись². Однако деятельность по организации цветной революции непременно была бы пресечена властями, которые имели бы на это полное право (с точки зрения настроений в обществе). При Путине и Медведеве политические эли-ты крепче консолидированы и способны подавить такие демонстрации.

Хотя преобразования в России привели к относительной депривации, режим Путина пользуется широкой поддержкой народа. “Эффект демо-нстраций” цветных революций не работает. То, что в России они не доби-лись успеха, определенно связано с легитимностью политических элит и формированием их консенсуса.

В таблице 4 приведены соотношения предрасположенностей, ориента-ции на Запад и предпосылок политической и социальной мобилизации.

Таблица 4

Определяющие факторы, способствующие/препятствующие продвижению демократии

Стремление элит в ЕС	Предрасположенность к переменам — следствие результатов преобразований			Стремление народа в НАТО, на “Запад”
	Сильная	Сильная	Слабая	
Негативное / нет данных	КИРГИЗИЯ	РОССИЯ	БЕЛАРУСЬ	Отсутствует
Смешанная	УКРАИНА, СЕРБИЯ			Смешанное
Положительное	ГРУЗИЯ			Положительное
	Высокая	Низкая	Низкая	
	Мобилизация населения на продвижение демократии			

¹ Из интервью лидера “Поры” в документальном фильме Тани Рахмановой “Справоч-ник по демократическим революциям” (“The Democratic Revolutionary Handbook”, Франция, 2006 г.)

² См., например, веб-сайт <http://ainfos.ca>, где приведены сведения об организованных Партией пенсионеров, Коммунистической партией и анархистами демонстрациях в Мурманске в 2005 году, в которых приняли участие 2000 человек.

Страны, элиты (либо контрэлиты) которых имеют сильные ориентации на ЕС или НАТО, являются очевидными мишенями для удачного продвижения демократии как формы мягкой власти. В России же, несмотря на сильную предрасположенность к переменам, у контрэлиты нет альтернативных политических целей в форме сближения с ведущими институтами Запада — ЕС и НАТО. Тот факт, что рыночная экономика не привела к улучшению уровня жизни, а также нелегитимность процесса приватизации ослабили позиции неолиберального капитализма. В Грузии, напротив, высокие и предрасположенность, и мобилизация населения, а политические элиты могут убедительно преподнести членство в НАТО и ЕС как доступное альтернативное решение. В Беларуси предрасположенность к переменам и мобилизация населения на продвижение демократии слабые, и нет политических перспектив членства ни в НАТО, ни в ЕС. Изначально цветные революции имели успех там, где имелись все четыре благоприятствующих фактора: сильная предрасположенность людей к переменам и высокий уровень мобилизации населения в сочетании с альтернативной политической программой, обычно сформулированной в терминах членства в НАТО или ЕС, либо, в общем случае, провозглашающей западный тип модернизации на основе рынка и частной собственности.

Заключение: сценарии будущего

Для всех стран Центральной и Восточной Европы вне Европейского Союза общим является разочарование в результатах преобразований. “Цветная революция” — один из способов исправить результат преобразований: привести к власти оппозицию коррумпированным правящим элитам наряду с возобновлением усилий по модернизации по западным образцам — больший плюрализм, укрепление рынка и прозападная политическая ориентация. Правящие режимы в Беларуси, Узбекистане и России, наоборот, движутся назад к этатистской модели, предусматривающей ограничения плюрализма и увеличение государственного регулирования.

В своих оценках многие авторы предлагают весьма упрощенную версию событий, воспевая демократические перемены с точки зрения избирательных революций. Им видится натиск снизу, со стороны либералов, стремящихся установить демократию, гражданские права и благосостояние в противовес “антилиберальному” автократическому режиму, погрязшему в коррупции. При этом натиск этот рассматривается как относительно автономный, пускай даже поощряемый локомотивами цветных революций — спонсируемыми Западом организациями гражданского общества.

На самом деле импульс к переменам исходит от контрэлит — либо внутри правящего политического класса, либо извне, — стремящихся заменить существующие элиты либо присоединиться к ним. Легитимность достигается посредством продвижения демократии. Там, где внутренней смене режима препятствует сама институциональная структура, контрэлиты спонсируют и используют массовое движение и легитимируют процесс как продвижение демократии. Режим слабее всего во время выборов, которые в этом случае становятся очагом политических перемен. Утверждения о якобы сфальсифицированных результатах выборов запускают механизм протестов. Их успех приводит к свержению правящей элиты и смены ее другой.

Последствия, однако, далеки от “революционных” — структура существующих институтов сохраняется, хотя личный состав может меняться. Зачастую “демократической революции” не удастся демократизировать избирательную структуру, более того, она может привести к появлению новых форм электоральной дискриминации (как в случае с Казахстаном). Новые элиты действуют в том же ключе, что и их предшественники, хотя порой (как в Сербии, Украине и Грузии) проводят политику с ярко выраженным прозападным уклоном. Успешные “цветные революции”, приводящие к смене элит и изменению политики, могут происходить не только тогда, когда население предрасположено к переменам и мобилизовано на их осуществление, но и когда ему предлагают альтернативные политические программы, в частности движение в сторону присоединения к представляющим Запад организациям в сфере экономики и безопасности. Описанные нами революционные государственные перевороты сопровождаются возвышением различных элитных групп, кланов или семей, стремящихся к перераспределению активов предыдущего режима. “Избирательные революции” — один из способов привести их к власти. В процесс вовлечен и Запад, в чьих интересах поддерживать группы, с которыми, как говорила Маргарет Тэтчер, “мы можем иметь дело”, либо, в геостратегических терминах, привести к власти своих сторонников.

Усилия по продвижению демократии чреваты двумя побочными эффектами. Во-первых, действующие правительства перенимают у оппонентов методы и практику использования информационных технологий, а также учатся на их ошибках. Для укрепления собственной власти над своими народами они создают собственные молодежные/студенческие организации, находят “врагов” со ссылкой на алчные западные интересы и угрозы военной агрессии под эгидой США. Следствием цветных революционных движений стало сворачивание по-настоящему филантропических и позитивных неконфронтационных форм развития гражданского общества — ограничение деятельности свободной прессы и телевидения, а также подлинно религиозных организаций¹. Действующие правительства формулируют собственные контридеологии: развенчивают глобальную гегемонию Запада и отстаивают самобытные формы суверенитета, демократии и гражданского общества.

Второй побочный эффект: рост внутреннего сопротивления западному “продвижению демократии”. Граждане целого ряда государств (в данном случае России, Беларуси и Узбекистана) не разделяют многих принципов западной демократии. В рассматриваемых странах распространено мнение, что утверждения оппозиции о фальсификации выборов сфабрикованы². Как следствие, политическая стратегия продвижения “избирательной демократии” обречена на провал. Опросы общественного мнения в России, Украине и Беларуси показывают склонность к другому типу политической системы — демократии национального благосостояния, которая обеспечивает стабильность применительно к предоставлению рабочих мест, здравоохранению, образованию и социальному обеспечению безработных. Там,

---

1 Ситуация в России и Китае подробно описана в: [Wilson, 2010].

2 Опрос НИСЭПИ (Nispi.by/prel.html). Цит. по: [Silitski, 2005: vol. 16, No. 4, p. 90].

где условия для цветных революций были неблагоприятны, попытки их начать оказывались контрпродуктивными и лишь укрепили позиции правящих режимов.

Литература

Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека / сост. Е.Бондарева; ред. Н.Нарочницкая. — СПб.: Алетейя, 2008. — 208 с.

Паніна Н. Українське суспільство 1992–2006: соціологічний моніторинг / Н. Паніна. — К.: Ін-т соціології НАН України, 2006. — 93 с.

Beissinger M.R. Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions / Mark R. Beissinger // Perspectives on Politics. — 2007. — Vol. 5. — No. 2. — P. 259–276.

Borers L. After the “revolution”: Civil Society and the Challenges of Consolidating Democracy in Georgia / Laurence Borers // Central Asian Survey. — 2005. — Vol. 24. — No. 3. — P. 333–350.

Bunce V.J., Wolchik S.L. International diffusion and postcommunist electoral revolutions / V.J. Bunce, S.L. Wolchik // Communist and Post-Communist Studies. — 2006. — Vol. 39. — P. 283–304.

Bush G. Inauguration Speech 2005 / G. Bush. — Режим доступа: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2005/01/20050120-1.html>. Цит. по: Hehir A. The Myth of the Failed State and the War on Terror: A Challenge to the Conventional Wisdom / Aidan Hehir // Journal of Intervention and Statebuilding. — 2007. — Vol. 1. — No. 3. — P. 307–332.

Clark I. Legitimacy in a Global Order / Ian Clark // Review of International Studies. — 2003. — Vol. 29. — P. 79.

Collins K. Clans, Pacts and Politics in Central Asia / Kathleen Collins // Journal of Democracy. — 2002. — No. 13. — P. 137–152.

Dunn J. Capitalist Democracy: elective affinity or beguiling illusion? / John Dunn // Daedalus. — Summer 2007. — P.10.

Eka Beselia: Accidental Murders, Coincidence or Not? — Интервью веб-порталу по вопросам прав человека в Грузии “humanrights.ge” от 11 ноября 2008 г. — Режим доступа: <http://www.humanrights.ge/index.php?a=article&id=2444&lang=en>.

Fish M. S. Democracy Derailed in Russia / M.S.Fish. — New York: Cambridge University Press, 2005. — P.18.

Goodwin J. No. Other Way Out: States and Revolutionary Movements 1945–1991 / J. Goodwin. — Cambridge: CUP, 2001. — 428 p.

Gurr T. R. Why Men Rebel / T. R. Gurr. — Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1970. — 438 p.

Korosteleva E. A. Was it a Quiet Revolution? Belarus After the 2006 Presidential Election / E. A. Korosteleva // Journal of Communist Studies and Transition Politics. — 2009. — Vol.25. — No. 2, 3. — P. 324–346.

Lamont C. Contested Sovereignty: The International Politics of Regime Change in the Federal Republic of Yugoslavia / Christopher Lamont // Journal of Communist Studies and Transition Politics. — 2009. — Vol. 25. — No. 2, 3. — P. 181–198.

Lane D. The Orange Revolution: ‘People’s Revolution’ or Revolutionary Coup? / D. Lane // British Journal of Politics and International Relations. — 2008. — Vol. 10. — P. 525–549.

Manutscharjan A. State of Emergency in Armenia. Political Crisis After the Presidential Elections of February 2008 / Ascot Manutscharjan // Auslandsinformationen. — 2008. — No. 6.

Morning Star. 8 ноября 2008 года.

Nye J. Why military power is no longer enough / J. Nye // *The Guardian* (London). — 31 March 2002.

Ostrowski W. The legacy of the 'colour revolution': the case of Kazakhstan / W. Ostrowski // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. — 2009. — Vol. 25. — No. 2, 3. — P. 347–368. Включена в виде главы в сборник: *Rethinking the 'Coloured Revolutions'* / D. Lane and S. White (eds.). — Abingdon, UK and New York: Routledge, 2010. — 336 p. (in print).

Payne C. A Visit to Kyrgyzstan / Clive Payne // *Nuffield Newsletter*. — 2008. — No. 4. — P. 7.

Presidency Conclusions / Lisbon European Council. — 2000. — 23–24 March. Цит. по: Christopher Lamont // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. — 2009. — Vol. 25. — No. 2, 3. — P. 181–198. См. главу 6 в сборнике: *Rethinking the 'Coloured Revolutions'* / D. Lane and S. White (eds.). — Abingdon, UK and New York: Routledge, 2010. — 336 p. (in print), который является источником всех цитат из этой работы в данной статье.

Radnitz S. What Really Happened in Kyrgyzstan? / Scott Radnitz // *Journal of Democracy*. — 2006. — Vol. 17. — No. 2. — P. 136–143.

Rethinking the 'Coloured Revolutions' / D. Lane and S. White (eds.). — Abingdon, UK and New York: Routledge, 2010. — 336 p. (in print).

Schmitter P. C., Karl T. L. What Democracy is... and is not / Philippe C. Schmitter, Terry Lynn Karl // *The Global Resurgence of Democracy*. — Johns Hopkins University Press, 1993. — P. 49.

Silitski V. Preempting Democracy: The Case of Belarus / Vitali Silitski // *Journal of Democracy*. — 2005. — Vol. 16. — No. 4. — P. 83–97.

Skocpol T. States and Social Revolutions / T. Skocpol. — New York: Cambridge University Press, 1979. — P. 4.

Tanter R., Midlarsky M. A Theory of Revolution / R. Tanter, M. Midlarsky // *Journal of Conflict Resolution*. — 1967. — Vol. 11. — No. 3. — P. 264–280.

Tilly C. European Revolutions 1492–1992 / C. Tilly. — Oxford: Blackwell, 1993.

Transnational Actors in Central and East European Transitions / M.A. Orenstein, S. Bloom and N. Lindstrom (eds.). — University of Pittsburg Press, 2008. — 272 p.

Wilson A. Ukraine's Orange Revolution / A. Wilson. — New Haven and London: Yale University Press, 2005.

Wilson J. L. Colour Revolutions: The View from Moscow and Beijing / J.L. Wilson // in *Rethinking the 'Coloured Revolutions'* / D. Lane and S. White (eds.). — Abingdon, UK and New York: Routledge, 2010. — 336 p. (in print).

Перевод с английского Дмитрия Гломозды